

В заключение А. Д. Удальцов отметил плодотворность дискуссии и указал на основные задачи, которые стоят перед Институтом в связи с изучением гениальных работ товарища Сталина.

Ученый совет ИИМК единогласно принял резолюцию, в которой отмечается исключительное значение работ товарища Сталина по языкознанию, которые открыли перед советскими учеными новые перспективы плодотворного научного исследования и разоблачили антинаучный характер так называемого «нового учения о языке»¹. В резолюции указывается, что «теоретические» положения Марра в области археологии заключались в попытке подчинить археологию так называемому «новому учению о языке», в попытке перенести на нее все ошибочные положения Марра в языкознании. Административная деятельность Марра привела к созданию аракатического режима, а его работа в качестве полевого исследователя стояла значительно ниже работ большинства современных ему русских археологов.

Несмотря на крикливую пропаганду положений Марра его апологетами и несмотря на их стремление приписать Марру все достижения советской археологии, в действительности советская археология развивалась по марксистско-ленинскому пути и внесла значительный вклад в изучение истории народов СССР.

В резолюции отмечается, что заседание Ученого совета ЛОИИМК, посвященное обсуждению работ товарища Сталина по языкознанию, было проведено на низком идейно-теоретическом уровне без решительного осуждения «деятельности» Марра в археологии, без развернутой критики и самокритики. Искусственное насаждение культа Марра и пропаганда его вредных идей в ЛОИИМК облегчались недостаточной централизацией руководства институтом, а также тем, что дирекция не принимала должных мер для устранения этих недостатков.

В резолюции сформулированы основные задачи советских археологов в разработке проблем первобытной археологии, происхождения народов и археологии древней Руси. Ученый совет ИИМК призвал советских археологов к дружной совместной работе по окончательному изжитию влияния положений Марра, к углубленному изучению марксизма-ленинизма и к разрешению проблем советской археологии, следуя по пути, начертанному в гениальных работах товарища Сталина.

Г. Б. Федоров

Проблемы истории поздней Римской империи на 5-й византиноведческой сессии ОИФ АН СССР

6—8 декабря 1950 г. состоялась очередная, 5-я византиноведческая сессия Отделения истории и философии АН СССР. Сессия носила тематический характер: в отличие от предшествующих, эта сессия в основном была посвящена одной значительной проблеме — вопросу о народных движениях и классовой борьбе в Византии. Сессия заслушала и обсудила ряд докладов византинистов Москвы (З. В. Удальцова, Б. Т. Горянов), Ленинграда (Е. Э. Липшиц), Тулы (А. П. Каждан), Свердловска (М. Я. Сюзюмов), осветивших историю народных движений в Византии в различные периоды ее истории. На сессии рассматривались также вопросы русско-византийских отношений (проф. М. В. Левченко) и истории византийской культуры (член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев).

¹ Полный текст резолюции опубликован в КС ИИМК, XXXVI, 1951.

В двух докладах рассматривалась проблема народных движений в Восточной Римской империи в IV—VI вв. Они представляют большой интерес для историков древнего мира. Это доклад М. Я. Сюзюмова на тему «Народные движения городского населения в Византии IV в.» и доклад З. В. Удальцовой на тему «Народные движения в Византии VI в. по данным Прокопия Кесарийского».

М. Я. Сюзюмов сделал попытку выяснить социальный смысл движений городского населения в Византии IV в. (так называемых «движений димов»). Источниками для разработки этой темы М. Я. Сюзюмову послужили главным образом речи и письма известного ритора Либания, сочинения Иоанна Златоуста и других церковных писателей, а также юридические памятники (кодекс Феодосия). Отметим, что в Восточной Римской империи гибель рабовладельческого строя произошла на два с лишним столетия позднее, чем в Западной Римской империи, М. Я. Сюзюмов поставил вопрос о причинах относительной устойчивости рабовладельческого строя Византии и временного торжества рабовладельческой реакции. Он указал, что в советской исторической науке распространено представление о том, что рабовладельческий строй на востоке империи оказался более устойчивым, благодаря наличию здесь экономически мощных городов и развитых торговых связей. Однако, по мнению докладчика, одними экономическими причинами нельзя объяснить устойчивость Византии: это вульгарно-экономическая точка зрения. М. Я. Сюзюмов попытался уточнить вопрос о роли города в сохранении рабовладельческого строя в Византии в IV—VI вв. Он выдвинул тезис о том, что социальной опорой рабовладельческой реакции явились значительные слои свободного городского населения, которые в силу своего специфического положения в рабовладельческом обществе были заинтересованы в сохранении как города в качестве центра рабовладельческого производства, так и централизованного аппарата рабовладельческого государства и самой Восточной Римской империи. Прежде всего это был многочисленный люмпенпролетариат, который существовал за счет прибавочного продукта, создававшегося трудом рабов. Являясь, по выражению докладчика, злейшим врагом рабов, праздная «чернь» свободных бедняков составила основную массу защитников рабовладельческого государства. Кроме того, опорой рабовладельческой реакции М. Я. Сюзюмов считает городских ремесленников. Хотя это была трудящаяся прослойка населения, подвергавшаяся жестокой эксплуатации, но мелкие ремесленники сами зачастую являлись рабовладельцами; поэтому они не могли служить союзниками восставших рабов и нападавших на империю варваров. По мнению докладчика масса городских ремесленников была готова оказать поддержку государству, которое гарантировало ей собственность на рабов и мастерские, сохранение рынка и личную свободу: варварское нашествие и крах рабовладельческих порядков грозили ремесленникам неизбежной гибелью и превращением в челядь завоевателей (варварской знати). Об этом, полагает докладчик, свидетельствует судьба городов Западной Римской империи. Считая, таким образом, что все свободное городское население Восточной Римской империи объективно могло стать реальной силой в руках реакции, М. Я. Сюзюмов подробно рассматривает методы и средства социальной демагогии, к которым прибегала рабовладельческая знать в IV в. для того, чтобы привлечь на свою сторону восставшие слои и использовать их в качестве своих боевых отрядов в борьбе против восстаний рабов и варварских вторжений. Главным средством социальной демагогии было использование зрелищ. Докладчик привел ряд интересных фактов, показывающих, как рабовладельцы города использовали зрелища для того, чтобы, с одной стороны, разжигать страсти праздных бедняков в цирке согласно «жестокому закону древнего Рима»¹ — принципу «разделяй и властвуй», а с другой — для того, чтобы, изолировав городское население от колоннов, сельских рабов и варваров, с помощью заранее подготовленных *acclamations* во время представлений направлять выступления масс в сторону, выгодную рабовладельческой знати.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 435.

Далее М. Я. Сюзюмов переходит к изучению предистории цирковых партий V—VI вв., будущих венетов и прасинов. Он считает, что борьба цирковых партий, происходившая уже в IV в., была борьбой между двумя группировками господствующего класса: одной из них была константинопольская знать, другой — крупные рабовладельцы провинциальных городов. Константинопольская знать, сплоченная вокруг императорской власти, стремилась лишить другие города автономии и возложить бремя податей не только на «низы», но и на местную рабовладельческую знать — куриалов. Последние сопротивлялись политике бюрократической централизации и, стремясь сохранить свои доходы и влияние, пытались переложить расходы на массу ремесленников и на деревню. Поскольку городское население в равной мере страдало и от злоупотреблений и насилий чиновников центрального правительства, и от хозяйничанья куриалов (спекуляции хлебом и проч.), обе группировки пользовались его недовольством для того, чтобы снискать симпатии люмпенпролетариата и ремесленников, демагогически изображая себя защитниками их интересов. М. Я. Сюзюмов считает, что волнения городского населения в IV в., возмущавшегося лишь «злоупотреблениями» константинопольской бюрократии и куриалов, но объективно заинтересованного в сохранении рабовладельческих порядков, носили реакционный характер. В нужные моменты рабовладельцы мобилизовали городское население на защиту рабовладельческого государства. Полагая, что ранневизантийский город являлся в социальном отношении продолжением античного города, М. Я. Сюзюмов указал, что общий смысл борьбы в городе IV в. принципиально был тем же, что и в античности, но в условиях кризиса рабовладельческой системы эта борьба крайне обострилась и была использована силами рабовладельческой реакции в своих целях.

Выступившие в прениях по докладу М. Я. Сюзюмова М. В. Левченко и З. В. Удальцова выразили несогласие с основными положениями докладчика. Наибольшие возражения вызвал тезис о реакционности выступлений городских масс в IV в. Проф. М. В. Левченко указал, что докладчик ошибочно объединяет люмпенпролетариат и ремесленников в одну социальную категорию, якобы заинтересованную в сохранении рабовладельческого строя; между тем необходимо проводить четкое разграничение между этими прослойками городского плебса, отношение которых к рабовладельческому государству в эпоху кризиса рабовладельческой системы было далеко неодинаковым. М. В. Левченко, сославшись на ряд фактов борьбы трудовых масс городского населения против рабовладельческого государства, в частности, на то обстоятельство, что население городов восточных провинций, стремясь избавиться от гнета византийской государственной машины, приветствовало персидских завоевателей, показал прогрессивный характер движений трудовых масс города, наносивших удары рабовладельческому строю.

З. В. Удальцова отметила правильность постановки в докладе М. Я. Сюзюмова вопроса о народных движениях в связи с особенностями кризиса рабовладельческого общества в Византии и ценность нарисованной докладчиком картины борьбы политических группировок господствующего класса за народные массы города. В то же время она указала, что М. Я. Сюзюмов переоценил роль люмпенпролетариата, который в действительности не был решающей силой в классовой борьбе этого времени, и недооценил самостоятельность выступлений трудовых масс города; в частности, он совершенно не показал роли рабов в городских движениях. В изображении М. Я. Сюзюмова византийский город IV в. выступает как бы незатронутым кризисом рабовладельческой системы, а городские массы в силу этого — опорой рабовладельческой реакции. Подчеркнув недостаток в докладе конкретного материала, рисующего выступления масс города под реакционными лозунгами (были приведены лишь единичные факты участия горожан в защите городов от варваров), З. В. Удальцова, опираясь на данные исследований ряда советских ученых (Н. В. Пигулевской, М. В. Левченко, А. П. Дьяконова, А. Д. Дмитрева), показала, что городские «низы» играли самостоятельную активную роль в революционном перевороте, отделяющем античность от средневековья. Движения городских масс в Северной Африке и на Балканском полуострове нередко сливались с восстаниями рабов и варварскими втор-

жениями. Народные массы города в эпоху кризиса рабовладельческого строя являлись революционной силой, и их восстания, даже в тех случаях, когда не было прямого контакта между восставшими рабами и свободным населением городов, объективно подрывали и расшатывали отжившую свой век рабовладельческую систему в Восточной Римской империи.

В заключение прений по докладу М. Я. Сюзюмова выступил акад. Е. А. Косминский, который, отметив важность проблем, затронутых в докладе, указал что возражения докладчику в значительной мере связаны с неправильной формулировкой названия доклада: М. Я. Сюзюмов рассматривает в своем докладе не народные движения, не самостоятельные движения масс, отстаивающих свои классовые интересы, а лишь выступления городского люмпенпролетариата, являвшегося простым орудием в борьбе внутри господствующего класса рабовладельцев. Этот люмпенпролетариат восточноримских городов IV в., который жил за счет эксплуатации рабов и общинников и мог играть известную роль в укреплении рабовладельческого государства, нельзя отождествлять с народными массами. Трудовые слои города в период кризиса рабовладельческого общества занимали по отношению к византийскому государству совершенно иную позицию.

Е. А. Косминский указал в качестве недостатка доклада отсутствие в нем анализа движений городских рабов и отметил противоречивость концепции М. Я. Сюзюмова: показывая, что выступления городских масс использовались в интересах укрепления рабовладельческого строя, докладчик считает их реакционными, упуская из виду, что в то же самое время борьба внутри города расшатывала, а не укрепляла рабовладельческий строй.

Доклад З. В. Удальцовой был посвящен анализу данных византийского историка Прокопия Кесарийского о народных движениях в Восточной Римской империи в VI в. З. В. Удальцова остановилась на характеристике особенностей революционного перехода от античности к средневековью в Восточной Римской империи, которые были обусловлены своеобразием социально-экономического развития восточных областей империи. Докладчица считает, что к революции рабов в Восточной Римской империи целиком применимо указание товарища Сталина о том, что «...замена одного общественного порядка другим общественным порядком является сложным и длительным революционным процессом»¹. В революции рабов в Восточной Римской империи докладчица различает два периода. Первый период относится к концу IV— началу V в. (восстание вестготов на Дунае, слившееся с движением рабов и кононов Балканского полуострова, широкое революционное движение в восточных провинциях). Первая половина VI в., особенно правление императора Юстиниана (527—565 гг.), характеризуется временным торжеством рабовладельческой реакции. В конце VI и начале VII в. наступает второй, решающий этап победоносного революционного движения, которое в союзе с варварским вторжением наносит сокрушительный удар разлагающемуся рабовладельческому обществу, освобождая путь для развития феодализма в Восточной Римской империи.

Перейдя к анализу сочинений Прокопия, как лучшего источника для истории народных движений, З. В. Удальцова отмечает, что, по ее мнению, Прокопий был идеологом оппозиционно-настроенной части сенаторской аристократии, тяготевшей к деспотическим правлением Юстиниана. Поэтому, с одной стороны, произведения Прокопия, особенно его «Тайная история», ярко отразили острую политическую борьбу внутри господствующего класса Восточной Римской империи, тот «кризис», верховенства», который, по указанию Ленина, является одним из главных признаков революционной ситуации². С другой стороны, произведения Прокопия содержат ценнейший материал для изучения жизни и борьбы народных масс в период правления Юстиниана: оппозиционные настроения Прокопия к правительству Юстиниана, стремление

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 40-е, стр. 607.

² В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 189.

ние в мрачных красках изобразить его правление побуждали Прокопия уделять значительное место описаниям бедственного положения и революционных движений народных масс, несмотря на ненависть византийского историка к народу и страх перед его выступлениями. Докладчица рассмотрела данные Прокопия, характеризующие резкое падение жизненного уровня народных масс в VI в., что также свидетельствует о наличии в Византии этого времени революционной ситуации, вторым признаком которой В. И. Ленин считает «...обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов»¹. Напомнив, что в качестве третьего признака революционной ситуации В. И. Ленин указывал на «значительное повышение... активности масс, в „мирную“ эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими „верхами“, к самостоятельному историческому выступлению»², докладчица детально остановилась на истории народных движений в правление Юстиниана.

Охарактеризовав восстание «Ника» 532 г., восстание в Палестине 529 г. под руководством Юлиана, волнения в византийской армии, еретические движения в империи, З. В. Удальцова сосредоточила основное внимание на подробном описании наиболее крупных движений этой эпохи — народно-освободительной войны в Италии под руководством Тотилы и грандисного восстания в Северной Африке под руководством Стотзы. Эти движения, по мысли докладчицы, представляли собой народно-освободительные войны, направленные против попытки реставрации рабовладельческих порядков, предпринятой Юстинианом в Италии и в Северной Африке. На первом этапе войн Юстиниана в Италии и в Африке византийские войска, поддерживаемые рабовладельцами и некоторой частью варварской знати, захватившей большие земельные владения и сблизившейся с рабовладельческой аристократией, гнет налогов, злоупотребления византийской администрации и религиозные преследования (гонения ариан и других еретиков в Северной Африке) вызвали в Африке и в Италии широкое народно-освободительное движение огромной силы. Во главе этого движения в Италии стояла часть феодализирующейся остготской знати, стремившаяся использовать выступления масс в своих интересах. В Северной Африке (в отличие от Италии) восстание началось в самой византийской армии: его возглавил простой солдат Стотза. На значительном фактическом материале докладчица показала, что в Италии и в Африке силу и размах движению придало участие рабов и колонов. Вместе с тем в Италии восставшие находили поддержку в варваризованной римской армии, а в Африке, кроме того, союзниками восставших являлись племена берберов и маврусиев. Докладчица показала, что именно участие широких народных масс в освободительном движении обеспечило победу восставшим.

Доклад З. В. Удальцовой вызвал оживленную дискуссию. М. Я. Сюзюмов, повторяя выдвинутые им раньше положения, возражал против концепции З. В. Удальцовой и пытался свести всю проблему задержки гибели рабовладельческого строя в Византии единственно к вопросу об особом месте города в ее истории: он снова выдвинул тезис о свободном населении города как основной социальной опоре рабовладельческой реакции в Византии. М. Я. Сюзюмов пытался отвергнуть также интерпретацию мировоззрения Прокопия, данную докладчицей, считая византийского историка выразителем идеологии новой феодализирующейся знати.

Точка зрения М. Я. Сюзюмова не встретила поддержки со стороны остальных участников обсуждения, которые подчеркнули методологическую правильность и фактическую обоснованность концепции З. В. Удальцовой.

М. В. Левченко рядом дополнительных фактов из истории войн Юстиниана в Италии подтвердил революционно-освободительный характер восстания Тотилы. Возражая М. Я. Сюзюмову, видящему основную социальную опору рабовладельческой реакции в городских ремесленниках, М. В. Левченко обратил внимание

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 189—190.

² Там же, стр. 190.

на широкое использование византийским государством в качестве военной силы значительных свободных элементов населения провинций: исавров, иллирийцев, армян, из рядов которых рекрутировалась и новая знать. А. В. Банк, опираясь на археологические данные, подчеркнула резкое различие между ремеслом античным и византийским VI в.: византийское ремесло этого времени нельзя рассматривать как простое продолжение античного. Ремесленники VI в. не были ремесленниками античного типа и не могли, хотя бы в силу этого обстоятельства, составлять опору гибнущего рабовладельческого общества. Ряд выступавших в прениях остановился на вопросе о составе сенаторской аристократии, на которую опирался Юстиниан. Чл.-корр. АН СССР В. Н. Лазарев, Е. Э. Липшиц и другие отметили, что знать в эпоху Юстиниана не представляла собой однородной группировки: наряду с рабовладельческой аристократией в нее входила новая, варварская знать. И. К. Кусикьян и А. П. Каждан подчеркнули убедительность трактовки мировоззрения Прокопия в докладе З. В. Удальцовой. И. К. Кусикьян указал на необходимость дальнейшего изучения Прокопия путем сравнения его «Тайной истории» с «Историей» Фукидида, которая послужила образцом для сочинения Прокопия, А. П. Каждан отметил, что работа З. В. Удальцовой помогает разоблачению фальсификаторских теорий западноевропейских византистов (Грегуар), превозносящих правление Юстиниана. А. П. Каждан подчеркнул большой интерес и ценность произведенного З. В. Удальцовой конкретного анализа вопроса об участии рабов в народных движениях.

В заключительном слове З. В. Удальцова подробно остановилась на высказываниях товарища И. В. Сталина о характере перехода от рабовладельческого строя к феодальному и в связи с этим — на особенностях этого процесса в Византии VI в. По мнению З. В. Удальцовой, гегемоном переворота, воспользовавшимся плодами победы народных низов, выступила феодализирующаяся варварская знать и та часть старой рабовладельческой аристократии, которая вливалась в состав формирующегося класса феодалов.

* * *

Обсуждение на византиноведческой сессии докладов, посвященных истории ранней Византии, свидетельствует о наличии в этой области многих неразрешенных вопросов. Несомненно, одной из причин этого является тот разрыв, который существует в работе по изучению судеб Восточной Римской империи между историками древнего мира и медиэвистами. История ранней Византии является одним из звеньев, тесно связывающих последний этап развития античного мира — время крушения рабовладельческого строя — с начальной стадией средневековья — временем становления феодализма. Византиноведческая сессия 1950 г. показала необходимость тесного творческого сотрудничества специалистов по этим разделам всеобщей истории.

М. А. Заборов

Письмо в редакцию

В журнале ВДИ, № 3 за 1950 г., стр. 123—133, напечатана рецензия М. Е. Грабарь-Пассек и Ф. А. Петровского под заглавием «Гомер, Одиссея, перевод П. А. Шуйского». В ней справедливо отмечается ошибочность перевода двух стихов (XVI, 115 сл.) — о братьях Телемаха, которых у него не было. Имеют основание и указания рецензентов на то, что в новом переводе встречаются нарушения порядка расстановки слов,